

УДК 32

DOI: 10.34670/AR.2022.89.65.031

Современная политика великих держав на Ближнем Востоке: стратегия и тактика

Абдулрахман Ханфвр Фахад

Аспирант,
Институт истории и политики
Московского педагогического государственного университета,
119571, Российская Федерация, просп. Вернадского, 88;
e-mail: Khanfvr@mail.ru

Аннотация

В статье автор исследует роль великих держав в развитии политической ситуации на Ближнем Востоке. Обозначены причины геополитического интереса этих стран к ближневосточной проблематике. Анализируется реализация внешнеполитического вектора современной России в государствах Ближнего Востока. Акцентируется внимание на задействовании политических технологий мировыми и региональными державами в ближневосточном регионе с целью достижения мира и стабильности жизнедеятельности стран и народов Ближнего Востока. Рассматриваются причины региональной конфронтации в данном регионе. Говорится о необходимости усиления роли Российской Федерации в разрешении ближневосточных региональных противоречий.

Для цитирования в научных исследованиях

Абдулрахман Х.Ф. Современная политика великих держав на Ближнем Востоке: стратегия и тактика // Теории и проблемы политических исследований. 2022. Том 11. № 4А. С. 255-262. DOI: 10.34670/AR.2022.89.65.031

Ключевые слова

Великие державы, СССР, США, Россия, геополитика, Ближний Восток, Сирия.

Введение

Мировой порядок после завершения Второй мировой войны во многом основывался на двухполюсной структуре организации международных отношений (капиталистический мир, социалистический лагерь), безусловными лидерами которых являлись, соответственно, Соединенные Штаты Америки и Союз Советских Социалистических Республик [Ryzhov, 2015]. Такая расстановка политических сил присутствовала и на Ближнем Востоке.

При этом Ближний Восток претерпел несколько геополитических трансформаций за десятилетия после окончания Второй мировой войны [Веретенников, Овсянкина, 2011; Лебедева, 2009]. Хотя это отчасти было вызвано политическими и экономическими реалиями, присущими региону, наиболее глубокие изменения произошли в результате действий внешних игроков, сначала ряда европейских государств, а затем Соединенных Штатов и Советского Союза.

Сегодня Ближний Восток переживает еще одну трансформацию, возможно, самую серьезную в и без того сложной политической истории этого региона [Барановский, Наумкин, Сарабьев, 2019; Корольков, 2015; Ланцов, 2013; Наумкин, Кузнецов, 2013]. Несмотря на то, что Россия и США активно задействованы в «горячих точках» региона, происходящие сегодня геополитические процессы в основном обусловлены внутренними факторами.

Основная часть

Наиболее важным текущим фактором, формирующим новый Ближний Восток, являются продолжающиеся гражданские войны, в которых задействованы региональные и международные державы.

Хотя холодная война закончилась почти три десятилетия назад, наследие этого периода соперничества все еще оказывает влияние на Ближний Восток. Причина, по которой этот период соперничества сверхдержав был настолько глубоким и теперь имеет решающее значение для понимания региона, заключается в том, что его приход совпал с освобождением большинства арабских стран от ига колониализма [Медведко, 1980].

У каждой из этих молодых арабских стран были особые потребности в безопасности, политике и экономике, когда они изо всех сил пытались осуществить переход от колонии к независимому государству. Вездесущей угрозой безопасности для большинства арабских государств был страх европейского колониального реваншизма. Также существовало мнение, что создание государства Израиль представляет собой форму неоколониализма. Многие государства, особенно те, которые не имеют значительных нефтяных активов, например Сирия, столкнулись с социально-экономическими проблемами, которые они надеялись решить с помощью внешних сил.

И Соединенные Штаты, и Советский Союз рассматривали этот зарождающийся арабский политический ландшафт как плодородную почву, на которой можно было соперничать в части глобальных амбиций друг друга. Каждая из сверхдержав боролась за арабских союзников, пытаясь взять верх в регионе [Бжезинский, 2010].

Совмещение потребностей новых независимых арабских стран во внешней поддержке и доступный запас этой поддержки со стороны Соединенных Штатов и Советского Союза создали современный Ближний Восток.

Для Соединенных Штатов и Советского Союза сотрудничество в регионе рассматривалось

в основном как инструмент борьбы и сдерживания друг друга. Когда распался Советский Союз, этот стратегический императив закончился для Соединенных Штатов. В то же время Ближний Восток оставался важным для Вашингтона, учитывая его зависимость от нефти и газа из Персидского залива и связи с Израилем. Два десятилетия спустя это послужило толчком для «поворота администрации Б. Обамы в Азию».

Бывшим советским союзникам, таким как Сирия, Ирак, Ливия, Южный Йемен, пришлось кардинально изменить свои и политические, и экономические, и социальные приоритеты, внести серьезные изменения во внешнюю политику своих стран.

Сирия, например, пыталась перейти от разросшегося государственного сектора к экономике, ориентированной на частный сектор, частично из-за потери советской экономической помощи. Из-за укоренившихся экономических принципов, которые возникли в результате плановой экономики, переход Сирии к более рыночному подходу не был таким полным, как хотелось бы тем, кто видел в Башаре Асаде реформатора. Это наряду с отсутствием либерализации политической системы способствовало недовольству, которое распространилось по Сирии в 2011 г. и в конечном итоге ввергло страну в гражданскую войну.

В Йемене окончание холодной войны совпало с единством между Севером и Югом. В то время как СССР начал сворачивать свою поддержку Южному Йемену (PDRY) до окончания холодной войны, Салим аль-Бид из Южного Йемена и Али Абдулла Салех с севера начали обсуждать объединение, которое завершилось в 1990 г. Отношение официальной Москвы к странам Ближнего Востока трансформировалось по мере того, как отмирали пережитки «холодной войны», что заставило руководство на Юге Йемена заключить сделку с Севером.

Американские союзники, Саудовская Аравия и Израиль, поддерживали отношения с единственной оставшейся сверхдержавой, сохраняя при этом «зонтик» безопасности. Бывшие советские союзники потеряли свои «зонтики» безопасности, а в случае Южного Йемена – также свою социалистическую идентичность.

Кроме того, окончание «холодной войны» перевернуло баланс сил в регионе. Поскольку Сирия уступила Голанские высоты Израилю во время войны 1967 г., она попыталась создать достаточно рычагов, чтобы вести переговоры о репатриации этой стратегической территории. С окончанием «холодной войны» влияние, которое Сирия получила от своего советского покровителя в отношении Израиля, испарилось.

Каждый бывший советский союзник на свой лад справлялся с этим геополитическим потрясением, потерей советской поддержки. Ливия, которая при М. Каддафи имела репутацию «плохого мальчика» арабского мира, добровольно отказалась от своей программы создания ядерного оружия и быстро улучшила свои отношения с Соединенными Штатами. Йемен, как было сказано ранее, был объединен.

При этом в регионе выросло влияние таких государств, как Израиль, Саудовская Аравия, Иордания, ОАЭ и Египет, которые в своей внешней политике смещены в сторону Соединенных Штатов. С другой стороны, и укреплялось влияние в регионе Ирана и Сирии вместе с негосударственными субъектами «Хезболла» и «Хамас», которые стремились противостоять тому, что они считают американскими замыслами на Ближнем Востоке.

В конце «холодной войны» было две фазы американской однополярности. Первым был период «тихой однополярности» при администрации Б. Клинтона в 1990-е гг. Это было тогда, когда зарождались планы расширения НАТО и когда Соединенные Штаты проводили политику двойного сдерживания в отношении Ирака и Ирана, фактически навязывая Pax Americana на Ближнем Востоке в отсутствие какого-либо глобального соперника. Вашингтон, видя мало

ограничений для своего поведения на Ближнем Востоке, ввел более жесткие санкции против Ирана, назвав его «государством-изгоем».

Вторая фаза была более «агрессивной однополярностью», начавшейся сразу после 11 сентября 2001 г., когда Соединенные Штаты не потерпели активного сопротивления со стороны ближневосточных режимов. Это вылилось в военные вторжения как в Афганистан, так и в Ирак [Лукьянов, 2018].

Наметилось трехстороннее соперничество между иранскими, арабскими и турецкими центрами силы, что выразилось в разжигании гражданских войн на Ближнем Востоке (Йемен, Сирия и Ирак).

Обычно участие Ирана, Турции и Саудовской Аравии в гражданских войнах на Ближнем Востоке рассматривается как прокси-феномен, когда боевики на стороне правительства или повстанцев выполняют приказы своих соответствующих внешних благодетелей. Но сводить участие этих стран в гражданских войнах к этой прокси-динамике ошибочно, так как эти конфликты распространяются через границы не только по горизонтали на уязвимые соседние государства, но и по вертикали к более сильным и крупным региональным державам.

Следует рассмотреть два аспекта этого явления вертикального заражения. Во-первых, сжатие времени, туман войны и «эффекты плохого соседства» гражданских войн вовлекли региональных игроков, таких как Иран, Саудовская Аравия, Турция, а теперь и Израиль, в гражданские войны в регионе. Это не означает, что сами боевые действия распространяются на эти региональные державы, а скорее, что политические и экономические последствия боевых действий экспортируются. В качестве примера можно привести гражданскую войну в Сирии, где Турция, Израиль, Саудовская Аравия и Иран почувствовали на себе последствия конфликта в виде беженцев, усиленных сторонников жесткой линии, террористических атак и других угроз своим интересам, что заставило их остаться в стороне.

Но второй аспект вертикального заражения во многих отношениях является наиболее глубоким с точки зрения сдвигов в балансе сил. То есть гражданские войны в Сирии, Ираке, Йемене и Ливии превратились в региональный конфликт между основными региональными державами, где жестокая конкуренция за краткосрочное региональное господство полностью затмевает долгосрочные общие интересы стабильного и процветающего Ближнего Востока. В то время как войны на уровне страны касаются того, какие элиты управляют государством, региональная гражданская война – это установление баланса сил или, что еще хуже, какое государство утверждает господство над более широким Ближним Востоком.

Другой способ размышления о вертикальном заражении заключается в том, что гражданские войны на уровне страны превратили эту борьбу за власть в рамках регионального порядка из соперничества без жертв в разрушительное соревнование, которое имеет смертельные последствия для Ближнего Востока и мирового порядка.

Активное вовлечение России в сирийскую действительность в 2015 г. означало конец американской однополярной эпохи. Правда в том, что Соединенные Штаты уже стали условной державой на Ближнем Востоке еще до действий Москвы, к большому разочарованию Саудовской Аравии и Израиля. Встревоженные трудностями в Ираке и Афганистане, Соединенные Штаты начали отступать с Ближнего Востока к концу правления администрации Дж. Буша.

На сегодняшний день регион превратился в трехуровневую систему. Первый уровень – это борьба за государство между повстанцами и правительством в сирийских, йеменских, иракских и ливийских гражданских войнах. Второй уровень – это борьба за региональное господство

между Ираном, Саудовской Аравией и Турцией. И третье – это соперничество Вашингтона и Москвы в Сирии и в более широком смысле, на Ближнем Востоке.

Возвращение России на Ближний Восток напоминало эпоху «холодной войны», когда снова две великие державы боролись за влияние в этом беспокойном регионе. Но если копнуть глубже, мы увидим, что эта эпоха во многих отношениях является явным отходом от прошлого. Во-первых, в отличие от времен «холодной войны», опорой Ближнего Востока сегодня является не соперничество между Соединенными Штатами и Россией, а скорее региональное соперничество между Ираном, Саудовской Аравией и Турцией, разыгрывающееся в гражданских войнах в регионе. Во-вторых, идеологии, которые сегодня служат линиями сектантского разлома, не импортированы из великих держав, как это было во время холодной войны, а скорее присущи Ближнему Востоку. В-третьих, в отличие от прошлого, у России и США есть некоторые общие интересы на Ближнем Востоке, такие как региональная стабильность.

Хотя Соединенные Штаты, благодаря своим политическим альянсам и военному присутствию, остаются важным игроком на Ближнем Востоке, обсуждение того, что ждет впереди с точки зрения смены власти не должно быть чрезмерно ориентировано на Америку. На это есть несколько причин. Во-первых, с приходом России в Сирию в 2015 г. официальная Москва стала, пожалуй, самым важным внешним игроком в регионе. Во-вторых, Соединенные Штаты при президенте Д. Трампе прекратили поддержку сирийских повстанцев и отказались от лидерства в мае 2017 г., нарушив ядерную сделку с Ираном (СВПД). Эти действия укрепили мнение о том, что Соединенные Штаты являются ненадежным, произвольным и стремительным игроком в регионе. По этим причинам любое обсуждение политических рекомендаций должно также включать Россию, Китай и Европейский Союз.

Политические дискуссии также должны включать понимание того, что, каким бы разрушенным ни казался Ближний Восток сегодня, он, тем не менее, представляет собой взаимосвязанную региональную систему, где изменения, происходящие в одной части, могут вызвать нарушения в другом месте. Хотя сейчас эта система дисфункциональна и порождает нестабильность, тем не менее, это система взаимозависимости. Директивным органам, которые традиционно смотрели на регион через призму конкретной страны, необходимо расширить свое видение, чтобы думать о политике с региональной точки зрения и о том, как взаимозависимость в регионе может быть переведена с конфликта на сотрудничество.

При взвешивании вариантов политики, направленных на укрепление региональной стабильности, ключевым моментом являются отношения между Турцией, Ираном, Саудовской Аравией и Израилем. Именно эти страны могут помочь деэскалации гражданских войн, разорвать вертикальный вихрь заражения и положить конец взаимным обвинениям, которые добавляют смятения и без того напряженному региону.

Фактически Россия придерживается регионального подхода, ориентированного на эти субъекты. Российское государство вместе с Турцией и Ираном предпринимают действенные меры, чтобы управлять зонами конфликта в Сирии. Хотя этот процесс далек от совершенства с учетом сложностей на местах, он помог деэскалации конфликта в некоторых из наиболее напряженных районов Сирии. Недавние попытки России договориться между Ираном и Израилем о красных линиях для Сирии – еще один пример.

В идеале, эта модель работы по налаживанию сотрудничества между региональными державами должна распространяться за пределы России и Сирии на более широкий регион и международное сообщество, чтобы разрушить чары вертикального заражения. Один из путей

для глобальных держав – работать с региональными державами над архитектурой безопасности для Ближнего Востока, которая будет работать над прекращением гражданских войн, предотвращает возобновление боевых действий после прекращения боевых действий и обеспечивает механизмы для мирного конфликта.

Заключение

Скептики утверждают, что, учитывая степень враждебности между Ираном и Саудовской Аравией, маловероятно, чтобы нынешние ядовитые отношения между этими региональными державами можно было обратить вспять. Но есть две причины, почему это не совсем нереально. Во-первых, регион очень чувствителен к сигналам международной среды. Хотя нет гарантии, что согласованные усилия международных держав сблизят региональные державы, в прошлом глобальные форумы объединяли воюющие стороны. Соединенные Штаты и Советский Союз совместно спонсировали Мадридскую конференцию в 1991 г., которая действительно положила начало переговорам между Израилем и Организацией освобождения Палестины (ООП). И хотя переговоры по ядерной сделке СВПД с Ираном не получили широкой поддержки в регионе.

Во-вторых, споры между Ираном и Саудовской Аравией, Израилем и Ираном не касаются территории. Вместо этого они сосредотачиваются на региональном поведении этих стран и мотивах, стоящих за ними. Хотя в некотором смысле это затрудняет разрешение, поскольку споры не связаны с конкретными жалобами, это также упрощает их разрешение. Соглашения не требуют от государств отказываться от земли, чего лидеры обычно политически не любят.

В-третьих, несмотря на нынешнюю язвительность и резкость, между региональными державами существуют общие интересы. Без региональной стабильности ни одно государство не может максимизировать свое долгосрочное экономическое процветание и политическую безопасность. Тот факт, что непосредственные угрозы затмевают общие долгосрочные интересы, не означает, что их не существует.

Те, кто все еще не убежден в перспективах или целесообразности регионального сотрудничества, могут предположить, что сохранение баланса сил – лучший способ обеспечить региональную безопасность. Идея состоит в том, что внешние игроки оказывают влияние на региональную конкуренцию на стороне потерпевшей стороны с целью восстановления в регионе здорового баланса сил. В каком-то смысле именно это и осуществляла администрация Д. Трампа, поддерживая Саудовскую Аравию и Израиль в их борьбе против Ирана.

При этом у этого геополитического подхода есть две сложности. Во-первых, и Саудовская Аравия, и Израиль уже обладают превосходством в обычных вооруженных силах над Ираном, даже без дальнейшего «уравновешивания» со стороны Соединенных Штатов. Преимущества Ирана в регионе связаны не с его обычными возможностями, а с его нетрадиционными возможностями гибридной войны. Уникальные возможности Ирана идеально подходят для распространения влияния на такие хрупкие государства, как Сирия, Ирак и Йемен, которые в настоящее время являются слабым местом арабского мира. Другими словами, текущие региональные условия играют на сильных сторонах Ирана и на слабостях Саудовской Аравии. Оффшорное балансирование вместо того, чтобы навредить Ирану, скорее всего, дало бы ему стимул к дальнейшему укрытию в зонах гражданской войны на Ближнем Востоке, еще больше ослабив позиции Саудовской Аравии и Израиля и потенциально усилив цикл насилия.

Во-вторых, балансирование предполагает, что нет конкурирующей державы, готовой усилить поддержку другой стороны регионального уравнения власти. Если Иран продолжит

чувствовать себя в осаде со стороны Соединенных Штатов, он может обратиться за поддержкой к России, Китаю и, возможно, даже к Европейскому союзу. Этот эффект усиления может привести к эскалации имеющегося конфликта, а не к стабилизации, подрывая цель балансирования ситуации в регионе.

Библиография

1. Барановский В.Г., Наумкин В.В., Сарабьев А.В. (ред.) Ближний Восток в поисках политического будущего. М.: ИВ РАН, 2019. 484 с.
2. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 2010. 256 с.
3. Веретенников Ю., Овсянкина А. Полиглобализация: от homo sapiens к homo техногенномодифицированному // Общество и экономика. 2011. № 8/9. С. 133-141.
4. Карпович О.Г., Манойло А.В. Политика многополярности: новые вызовы и угрозы. М.: Дипломатическая академия МИД России, 2020. 492 с.
5. Корольков Л. Меняющаяся геометрия ближневосточных раскладов // Международные процессы. 2015. Т. 13. № 1. С. 97-106.
6. Ланцов С.А. Революционные процессы на Ближнем Востоке: социально-политические механизмы и геополитические последствия // ПОЛИТЭКС: Политическая экспертиза. 2013. Т. 9. № 1. С. 144-159.
7. Лебедева М.М. Мировая политика в XXI в: акторы, процессы и проблемы. М.: МГИМО (У), 2009. 142 с.
8. Лукьянов Ф.А. Блеск и нищета альянса. Как атлантизм выиграл холодную войну и сделал ее вечной // Лукин А.В. (ред.) Новые международные отношения: основные тенденции и вызовы для России. М.: Международные отношения, 2018. С. 69-91.
9. Медведко Л.И. К Востоку и к Западу от Суэца: (Закат колониализма и манёвры неоколониализма на Араб. Востоке). М.: Политиздат, 1980. 368 с.
10. Наумкин В.В., Кузнецов В.А. Исламский мир и исламские организации в современной мирополитической системе // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2013. № 4. С. 30-56.
11. Ryzhov V.B., Shinkaretskaya G.G. World order: from World War II to present time // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. 2015. № 4. С. 396-404. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=16400.

Modern policy of the great powers in the Middle East: strategy and tactics

Abdulrahman Khanfvr Fakhad

Postgraduate Student,
Institute of History and Politics
of the Moscow Pedagogical State University,
119571, 88 Vernadskogo ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: Khanfvr@mail.ru

Abstract

The author examines the role of great powers in the development of the political situation in the Middle East. The reasons for the geopolitical interest of these countries in the Middle East issues are indicated. The article analyzes the implementation of the foreign policy vector of modern Russia in the states of the Middle East. Attention is focused on the use of political technologies by world and regional powers in the Middle East region in order to achieve peace and stability in the life of the countries and peoples of the Middle East. The reasons for the regional confrontation in this region are analyzed. The author speaks of the need to strengthen the role of the Russian Federation in resolving Middle East regional contradictions.

For citation

Abdulrahman Kh.F. (2022) Sovremennaya politika velikikh derzhav na Blizhnem Vostoke: strategiya i taktika [Modern policy of the great powers in the Middle East: strategy and tactics]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 11 (4A), pp. 255-262. DOI: 10.34670/AR.2022.89.65.031

Keywords

Great powers, USSR, USA, Russia, geopolitics, Middle East, Syria.

References

1. Baranovskii V.G., Naumkin V.V., Sarab'ev A.V. (eds.) (2019) *Blizhnii Vostok v poiskakh politicheskogo budushchego* [The Middle East in Search of a Political Future]. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences.
2. Bzhezinskii Z. (2010) *Velikaya shakhmatnaya doska. Gospodstvo Ameriki i ego geostrategicheskie imperativy* [Great chessboard. American dominance and its geostrategic imperatives]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ.
3. Karpovich O.G., Manoilov A.V. (2020) *Politika mnogopolyarnosti: novye vyzovy i ugrozy* [Multipolar policy: new challenges and threats]. Moscow: Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia.
4. Korol'kov L. (2015) Menyayushchayasya geometriya blizhnnevostochnykh raskladov [The changing geometry of the Middle East alignments]. *Mezhdunarodnye protsessy* [International processes], 13(1), pp. 97-106.
5. Lantsov S.A. (2013) Revolyutsionnye protsessy na Blizhnem Vostoke: sotsial'no-politicheskie mekhanizmy i geopoliticheskie posledstviya [Revolutionary Processes in the Middle East: Socio-Political Mechanisms and Geopolitical Consequences]. *POLITEKS: Politicheskaya ekspertiza* [POLITEKS: Political Expertise], 9(1), pp. 144-159.
6. Lebedeva M.M. (2009) *Mirovaya politika v XXI v: aktory, protsessy i problem* [World politics in the XXI century: actors, processes and problems]. Moscow: Moscow State Institute of International Relations.
7. Luk'yanov F.A. (2018) Blesk i nishcheta al'yansa. Kak atlantizm vyigral kholodnuyu voinu i sdela ee vechnoi [Shine and poverty of the alliance. How Atlanticism won the Cold War and made it eternal]. In: Lukin A.V. (ed.) *Novye mezhdunarodnye otnosheniya: osnovnye tendentsii i vyzovy dlya Rossii* [New International Relations: Main Trends and Challenges for Russia]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., pp. 69-91.
8. Medvedko L.I. (1980) *K Vostoku i k Zapadu ot Suetsa: (Zakat kolonializma i manevry neokolonializma na Arab. Vostoke)* [East and West of Suez: (The Decline of Colonialism and the Maneuvers of Neocolonialism in the Arab East)]. Moscow: Politizdat Publ.
9. Naumkin V.V., Kuznetsov V.A. (2013) Islamskii mir i islamskie organizatsii v sovremennoi miropoliticheskoi sisteme [Islamic World and Islamic Organizations in the Modern World Political System]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskije nauki* [Bulletin of Moscow University. Series 12: Political Science], 4, pp. 30-56.
10. Ryzhov V.B., Shinkaretskaya G.G. (2015) World order: from World War II to present time. *International Law and International Organizations*, 4, pp. 396-404. Available at: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=16400 [Accessed 12/05/2022].
11. Veretennikov Yu., Ovsyankina A. (2011) Poliglobalizatsiya: ot homo sapiens k homo tekhnogenomodifitsirovannomu [Polyglobalization: from homo sapiens to technogenically modified homo]. *Obshchestvo i ekonomika* [Society and Economics], 8/9, pp. 133-141.